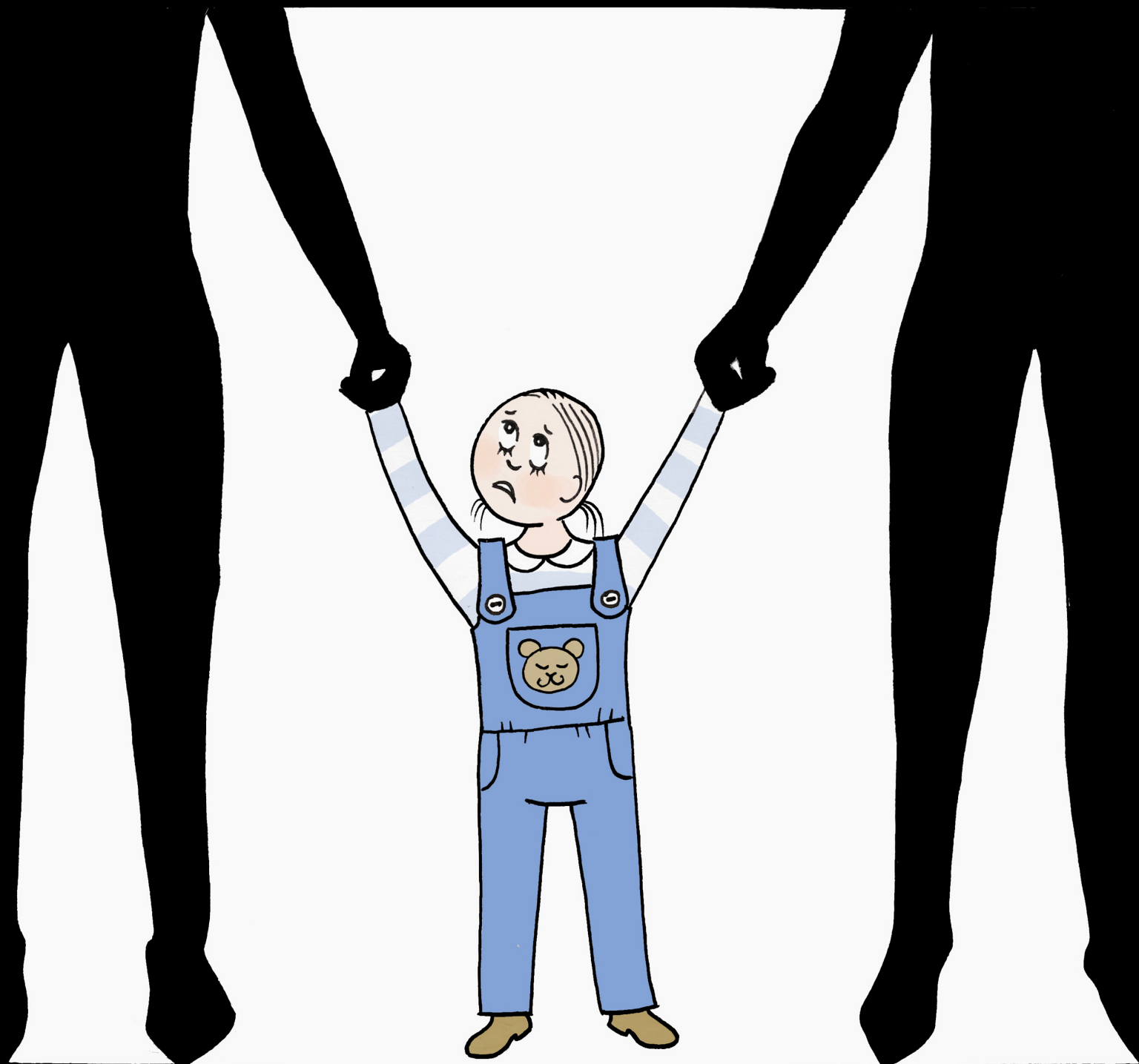

КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ

ОБЗОР ПРАКТИКИ ЕСПЧ

ПРИУРОЧЕН
К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ
1 ИЮНЯ 2020 Г.

Настоящий обзор подготовлен юристами межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток» и включает дела, касающиеся нарушения Статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении детей. Обзор не покрывает анализ постановлений на предмет процессуальной части Статьи 3 Конвенции, касающейся требования эффективного расследования. На такие расследования, как правило, распространяются те же самые критерии эффективности, которые выработаны Судом в практике по делам о жестоком обращении в отношении всех других лиц: быстрота, своевременность, тщательность, объективность, независимость, открытость. Данный вопрос, безусловно, является очень важным, однако не входит в предмет настоящего обзора.

В обзоре также приведены некоторые закономерности влияния практики Европейского суда на национальное законодательство и практику стран относительно защиты прав детей, а также включены рекомендации, которые могут повлиять на более эффективное соблюдение прав детей государством и уменьшить риск жестокого обращения с ними.

Данный обзор может быть полезен юристам, занимающимся подачей жалоб в ЕСПЧ на нарушение статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, судьям, сотрудникам правоохранительных органов и лицам, интересующимся тематикой защиты прав человека.

Обзор приурочен к международному дню защиты прав детей.

Дата публикации: **1 июня 2020 г.**

Иллюстрация обложки – Анастасия Гарина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ I ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	9
1.1 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ШКОЛАХ	10
1.2 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДЕТСКИХ САДАХ	16
1.3 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДЕТСКИХ ДОМАХ.....	23
1.4 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ЦЕНТРАХ СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	25
РАЗДЕЛ II ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ СО СТОРОНЫ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.....	32
2.1 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ СО СТОРОНЫ ПОЛИЦЕЙСКИХ.....	32
2.2 СПЛАНИРОВАННЫЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОДИТЕЛЕЙ В ПРИСУТСТВИИ ИХ ДЕТЕЙ.....	45
РАЗДЕЛ III ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ СО СТОРОНЫ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ	50
РАЗДЕЛ IV ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ СОПРОВОЖДЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56

ВВЕДЕНИЕ

Ребёнок, в той же степени, что и взрослый человек, является носителем универсальных прав и свобод. Однако права ребенка получили отдельное расширенное регулирование и закрепление в международном праве. Основной причиной этого следует рассматривать умственную и физическую незрелость ребёнка, в связи с которой появляется необходимость в особой охране и заботе. И именно поэтому законодательство, регулирующее права детей в странах, весьма разнообразно и охватывает множество сфер жизни ребёнка.

Основным международным актом, закрепляющим положения о защите прав ребёнка в связи с его особым статусом, является Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года.

Статья 1 данной Конвенции определяет ребёнка как:

- 1) *каждое человеческое существо*. То есть в понимании Конвенции ребёнок пользуется теми же правами, что и взрослые люди;
- 2) *до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее*. Этот признак имеет цель показать, что основным отличающим признаком ребёнка служит возраст, характеризующий уровень психического развития.

Конвенция о правах ребёнка, таким образом, приравнивает понятия «несовершеннолетний» и «ребёнок». Между тем, одновременно с терминами «ребенок» и «несовершеннолетний» в мире существует многообразие наименований к лицам, не достигшим совершеннолетия: «подростки», «малолетние». Попробуем разобраться с данным понятийным аппаратом.

Правовой статус «несовершеннолетних» тесно связан с понятием дееспособности в национальных правовых системах. Так, полная дееспособность в предусмотренных законом большинства стран случаях может наступить до достижения 18 лет – а именно, при вступлении в брак до 18 лет либо при объявлении лица, достигшего 16 лет, полностью дееспособным (эмансипированным). Из этого следует, что дееспособное лицо,

не достигшее возраста 18 лет, уже не является несовершеннолетним. Является ли такое лицо ребенком?

В Пекинских правилах несовершеннолетнее лицо определяется через возраст привлечения к юридической ответственности. Так, «несовершеннолетним является **ребенок или молодой человек**, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому» (*п. 2.2 (а) Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних*¹).

Из содержания данного определения можно предположить, что понятие «ребёнок» несколько отлично от понятия «несовершеннолетний». Если последнее довольно формально ограничивается возрастной оценкой, то первое, как представляется, включает в себя дополнительные характеристики – например, связь с родителями или лицами, их заменяющими.

Во всех случаях возраст выделяется как основной параметр, однако термин ребенок обладает многосторонностью и может быть применим как при оценке несовершеннолетнего лица, так и лица, преступившего 18-летний возраст, ведь даже лицо, достигшее 18 лет, может обладать детским сознанием, субъективно воспринимать мир сквозь не до конца сформировавшееся мировоззрение.

Сущность данного определения, таким образом, не только обозначает возрастные границы, но и устанавливает признаваемые и значимые связи с родителями. Кроме того, в некоторых случаях законодательство приравнивает к ребенку лиц, достигших совершеннолетия, с целью обеспечить их повышенную защиту.

¹ Пекинские правила, приняты Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года.

Например, в России несовершеннолетние, отбывающие наказание в воспитательных учреждениях, по достижении ими восемнадцатилетнего возраста направляются для дальнейшего отбывания наказания в исправительные колонии для взрослых. Однако согласно ст. 139 УИК РФ «в целях закрепления результатов исправления, завершения среднего общего образования или профессионального обучения осужденные, достигшие возраста 18 лет, могут быть оставлены в воспитательной колонии до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет».

То есть граждан определенных категорий можно приравнять к статусу ребенка при наличии их полной дееспособности. В этом смысле важно, что как ребенок, так и несовершеннолетнее лицо продолжают оставаться уязвимым для нарушения прав.

В тексте Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция) при формулировании прав и свобод в основном используется термин «каждый человек». Конвенция содержит мало прямых отсылок на детей, и поэтому ее потенциал по защите прав детей не сразу проявляется в ее тексте.

Так, без дополнительных протоколов основное тело Конвенции практически не упоминает детей. Такие отсылки ограничиваются лишь двумя положениями. Первое закреплено в Статье 6 «Право на справедливое судебное разбирательство». Конвенция предусматривает, что пресса и общественность должны быть исключены из всего или части судебного разбирательства в тех случаях, когда это представляет интерес для несовершеннолетних. Второе положение содержится в Статье 5(1)(d) Конвенции, которая предусматривает «заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом». В соответствии с этими положениями существует определенная прецедентная практика, однако, главным образом из-за строгих условий этих положений, такая судебная практика ограничена по своему характеру.

Однако другие, более «щедро» сформулированные положения Конвенции, обеспечили Суду большую гибкость в подходе к защите прав детей, и поэтому, как это ни парадоксально, те конвенционные положения, которые не содержат прямых отсылок на детей, предоставили больший потенциал для защиты их прав.

Основным таким положением является Статья 8 Конвенции, которая гарантирует право на уважение частной и семейной жизни. Львиная доля жалоб, касающихся нарушений прав детей, и особенно проистекающих из семейных отношений, рассматривается Судом в рамках данной статьи.

Однако второе, все более важное положение – это Статья 3, в которой гарантируется защита от пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания. В своих решениях по делам о нарушении Статьи 3 в отношении детей Суд относит ребёнка в категорию «уязвимого населения», указывая, что детское меньшинство и уязвимость требуют повышенной защиты и бдительности².

Уязвимость ребенка легла, среди прочих характеристик, в основу дефиниции Суда о том, что считать «минимальным уровнем жестокости» - того порога жестокого обращения, который должен быть достигнут в связи с теми или иными событиями. Как Суд многократно заявлял, оценка такого порога является относительной, она зависит от всех обстоятельств конкретного дела, таких как длительность жестокого обращения, физическое и психическое воздействие и, в некоторых случаях, от пола, возраста и степени здоровья пострадавшего (см. «*Лабита против Италии*» [GC], № [26772/95](#), § 120, ЕСПЧ 2000-IV).

Иными словами, в каждом деле Суд оценивает, насколько допущенное обращение было «жестоким», и в этой оценке возраст является важным фактором, он повышает степень уязвимости жертвы, когда жертва – ребенок. Считается, что в таком случае степень испытанных лицом страданий выше.

² См. Постановление ЕСПЧ по делу «Буид против Бельгии» от 8 сентября 2015 г. (жалоба № 23380/09).

Важно также отметить, что в своей практике по делам, связанным с правами детей, Суд стремился во все большей степени опираться на другие документы по правам ребенка, в частности на упомянутую выше Конвенцию о правах ребенка, для обеспечения того, чтобы его решения отражали современные стандарты в области прав детей. Однако, как будет показано в настоящем документе, Суд имеет целый спектр собственных подходов, выработанный при рассмотрении дел, связанных с правами детей. Это позволяет говорить о поистине уникальном вкладе Суда в международные стандарты в этой области.

РАЗДЕЛ I
ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Государство как участник Конвенции несет ответственность за нарушение прав человека, вызванное действиями своих представителей, исполняющих предусмотренные властями обязанности. Соответственно, обязательство не допускать пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания может быть установлено только тогда, когда лицо, допустившее такое обращение, является представителем государства, или, выражаясь терминологией Суда, агентом властей.

Если с типичными официальными представителями в лице должностных лиц все более-менее ясно, то имеющим принципиальное значение в практике Суда стал вопрос о том, **несет ли государство прямую ответственность за действия сотрудников специализированных детских учреждений – учителей, воспитателей, надзирателей, прочих контролирующих лиц (негативные обязательства)**, или же оно ответственно только за создание должной системы защиты детей, находящихся под его контролем, от жестокого обращения (позитивные обязательства) и адекватное расследование случаев жестокого обращения с детьми (процессуальные обязательства).

Итак, может ли государство избавить себя от ответственности за жестокое обращение с детьми в специализированных детских учреждениях? В случаях делегирования своих обязанностей частным структурам или лицам в этом вопросе освобождается ли государство от соответствующей ответственности? Рассмотрим практику Суда по этому вопросу.

1.1 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ШКОЛАХ

Вопрос ответственности государства за жестокое обращение в школах впервые был изучен в прецедентных делах против Великобритании.

Так, в деле **Campbell and Cosans v. The United Kingdom** (*жалобы №№ 7511/76, 7743/76, постановление от 25 февраля 1982 г.*) Суд оценил, является ли тот факт, что два ученика должны были посещать школы, где **телесные наказания существовали в качестве санкционированной дисциплинарной меры**, нарушением прав детей по Конвенции.

Дело было инициировано г-жой Кэмпбелл и г-жой Козенс – двумя матерями, дети которых ходили в шотландские школы, где официально применялись телесные наказания. Когда г-жа Кэмпбелл обратилась с заявлением в Комиссию³, ее сын Гордон продолжал посещать шотландскую государственную школу, где используются телесные наказания в целях поддержания дисциплины. На практике за время своего пребывания в школе Гордон никогда не наказывался телесно. Что касается второго мальчика, то ему было назначено телесное наказание, однако в результате отказа подвергнуться ему сын г-жи Козенс, Джеффри, был временно исключен в сентябре 1976 г. из школы. В январе 1977 г. дирекция указала на снятие меры наказания в форме исключения из школы. Однако Джеффри, который в мае 1977 г. уже вышел из школьного возраста, в школу никогда не возвращался.

По шотландскому законодательству того времени преподаватели *могли прибегать к умеренным телесным наказаниям в порядке поддержания дисциплины*. В данных школах наказание имело форму ударов по ладони кожаной плетью. Правительство Великобритании заявило о своей приверженности к упразднению телесных наказаний в шотландских школах в качестве меры наказания, но законодательство по этому вопросу не было принято.

³ Европейская комиссия по правам человека – специальное учреждение, которое до 1998 г. выносило решения о допусчении заявлений к рассмотрению в ЕСПЧ.

Хотя в данном случае на практике применения физического наказания не было, Суд отметил, что даже неопределенная угроза обращения, запрещенного Ст. 3 ЕКПЧ, могла бы нарушить эту норму. В частности, Суд указал, что система телесных наказаний может вызывать определенную степень опасений у тех, кто может быть подвергнут ей, однако ситуация, в которой оказались сыновья заявителей, не была равнозначна жестокому обращению по смыслу Статьи 3 и нет никаких доказательств того, что дети подверглись страданиям, превысившим минимальный уровень жестокости (§26 постановления).

Таким образом, хотя Суд единогласно пришел к выводу, что нарушения Статьи 3 установлено не было, *он оценил угрозу официальных телесных наказаний к детям как применимую к Стате 3 Конвенции.* Это значит, что **в том случае, когда государство обеспечивает и организует обязательное образование в государственных школах, оно несет ответственность за действия школьного руководства, в том числе учителей и, в частности, за применение телесных наказаний в той части, где это является государственной образовательной политикой.**

В другом деле о телесных наказаниях «**Costello-Roberts v. United Kingdom**» (Постановление ЕСПЧ от 25 марта 1993 г., жалоба № 13134/87) Суд постановил, что телесное наказание, понесённое ребёнком в школе, не является нарушением Статьи 3 или Статьи 8 Конвенции.

Дело касалось мальчика, посещавшего частную школу, который получил три удара по ягодицам спортивной туфлей в наказание за нарушение дисциплины. В сентябре 1985 года мать заявителя, миссис Костелло-Робертс, отправила его в независимую подготовительную школу-интернат. Ему было тогда 7 лет. В школе обучалось около 180 учеников, ни один из которых не получал никакой прямой финансовой поддержки от правительства и не платил за обучение из государственных средств.

В буклете школы было указано, что в ней соблюдается высокий уровень дисциплины, но не упоминалось о применении телесных наказаний. Миссис Костелло-Робертс никогда не интересовалась дисциплинарным режимом

школы и с самого начала не высказывала своего несогласия с телесными наказаниями. Между тем, в этой школе действовала система, в соответствии с которой такое наказание назначалось после получения пяти порицаний за неуспеваемость.

3 октября 1985 года заявитель получил свой пятый штрафной балл за разговор в коридоре. Другие предыдущие порицания были сделаны ему за подобное поведение и за то, что однажды он опоздал ко сну.

Обсудив этот вопрос со своими коллегами, директор школы решил, что единственным ответом на недисциплинированность абитуриента, о которой он получил три предупреждения от директора школы, было дать ему три «удара» по ягодицам через шорты спортивной туфлей на резиновой подошве. Что и было сделано через три дня.

В Страсбурге от имени заявителя утверждалось, что он был крайне встревожен наказанием, которое превратило его из уверенного в себе, общительного семилетнего ребенка в нервного и необщительного. Он утверждал, что, *хотя фактическая физическая сила, которой он подвергся, была умеренной, тем не менее имело место посягательство на его достоинство и физическую неприкосновенность*. Этот унижительный характер, как он утверждал, усугублялся его возрастом в то время (семь лет) и тем фактом, что он находился в школе всего около пяти недель, а также безличным и автоматическим способом, которым оно было назначено в результате «подсчета» штрафных баллов за мелкие провинности, и трехдневным ожиданием между «приговором» и его исполнением.

Суд постановил, что обращение не повлекло за собой достаточно неблагоприятных последствий для физической или моральной неприкосновенности заявителя, чтобы признать нарушение этого положения. Хотя у Суда были определенные опасения относительно автоматического характера наказания и трехдневного ожидания его назначения, тем не менее Суд решил, что в данном случае минимальный уровень суровости не был достигнут (§32 постановления).

Тем не менее, в данном деле Суд провел более предметный анализ жалобы по Статье 3, указав на явное предпочтение, подтвержденное в последующих прецедентных решениях, рассмотрению жалоб на насилие в отношении детей в соответствии с этой статьей, а не Статьей 8 Конвенции.

Кроме того, дело Костелло-Робертса ясно показало, что ответственность за жестокое обращение не может быть делегирована частным учреждениям, таким как школы (§§ 25-28 постановления), и что государство несет ответственность за недозволенное в частных школах обращение с детьми.

В итоге телесные наказания всё-таки были запрещены во всех государственных школах в 1986 г., запрещение распространилось и на частные школы в Англии и Уэльсе в 1998 г., в Шотландии в 2000 г. и в Северной Ирландии в 2003 г.

В деле **O’Keeffe v. Ireland** (*Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 28 января 2014 г., жалоба № 35810/09*) Суд изучил случай сексуального насилия над учащимся со стороны учителя в негосударственной школе с точки зрения позитивных обязательств, касающихся обеспечения системы защиты детей от насилия и предоставления эффективного механизма принятия индивидуальных защитных мер в том случае, если государство знало или должно было знать о риске такого насилия.

Когда заявительнице было девять с половиной лет, она подверглась примерно двадцати сексуальным нападениям со стороны Л. Х., который, будучи ее учителем и директором так называемой «национальной школе», обладал властью и контролем над ней. Сторонами не было оспорено, что ребенок подвергся сексуальному насилию со стороны Л. Х., который в 1973 году признал себя виновным по нескольким типовым обвинениям в сексуальном насилии над учениками одной и той же школы.

В начале 1970-х годов подавляющее большинство ирландских детей в возрасте до 13 лет посещали местные национальные школы, которые представляют собой учебные заведения, находящиеся в собственности и управлении негосударственного субъекта и отвечающие его интересам, за

исключением государственного контроля. Эта модель начального образования, по-видимому, была уникальной в Европе и представляла собой «продукт уникального исторического опыта Ирландии» (§158 постановления).

При рассмотрении дела Суд отметил, что это не тот случай, который непосредственно касается ответственности Л. Х., клерикального менеджера, родителей или любого другого лица за сексуальное насилие над заявительницей в 1973 году. Скорее, это заявление касается ответственности государства – а именно, должно ли было государство-ответчик осознавать риск сексуального надругательства над несовершеннолетними, такими как заявитель, в негосударственных национальных школах в соответствующее время и адекватно ли оно защищает детей через в рамках имеющейся правовой системы в стране от такого обращения (§ 168 постановления).

Суд пришел к выводу, что в 1970-е годы защита детей от жестокого обращения была неотъемлемым позитивным обязательством правительства. Кроме того, это обязательство имеет чрезвычайно важное значение в контексте начального образования и оно не было выполнено, когда государство, которое было осведомлено о сексуальном насилии над детьми со стороны взрослых посредством, в частности, значительного судебного преследования за такие преступления, тем не менее продолжало поручать управление начальным образованием подавляющего большинства молодых ирландских детей негосударственным субъектам, не создав никакого механизма эффективного государственного контроля за рисками такого насилия.

Суд постановил, что **учитывая особо уязвимый характер детей, правительство несет неотъемлемое обязательство обеспечить их защиту от жестокого обращения, особенно в контексте начального образования, путем принятия, при необходимости, специальных мер и гарантий** (§ 146 постановления).

Суд также отметил, что неспособность властей принять разумно доступные меры, которые могли бы иметь реальную перспективу изменить исход или смягчить ущерб, является достаточной для привлечения к ответственности государства (*§ 149 постановления*).

В обстоятельствах настоящего дела Суд, проанализировав данные механизмы, постановил, что механизмы не были эффективны и что государство поэтому не выполнило **своего позитивного обязательства по защите заявительницы от сексуального насилия, которому она подверглась в 1973 году, будучи ученицей национальной школы** (*§ 169 постановления*).

Важно понимать, что данный случай не ставит под сомнение, как предполагало правительство, сохранение негосударственной модели управления начальным образованием и лежащий в ее основе идеологический выбор. Скорее, вопрос, поднятый в данном деле, заключался в том, содержит ли сохраненная таким образом система достаточные механизмы защиты детей.

Таким образом, как показали приведенные дела, **государство не может освободить себя от обязательств по защите от жестокого обращения детей в школах, делегируя эти обязанности частным органам или частным лицам.**

Рассмотрим теперь, как обстоят дела с дошкольными детскими учреждениями.

1.2 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДЕТСКИХ САДАХ

Вопрос жестокого обращения с детьми в дошкольных учреждениях был поднят в связи с рассмотрением в Суде российского дела «V.K. v. Russia» (Постановление ⁴ ЕСПЧ от 7 марта 2017 г., жалоба № 68059/13). В частности, заявителями была поднята важная правовая проблема: **является ли воспитатель детского сада представителем государства**. Иными словами, вопрос заключается в том, нарушило ли государство негативное обязательство при указанных в постановлении обстоятельствах или же речь может идти только о позитивных обязательствах по статье 3 Конвенции, как то имело место в практике Суда, проанализированной в разделе 1.1 настоящего обзора.

Рассмотрим подробнее данное постановление.

Заявителем по делу является В.К., которому было 4 года на момент описываемых событий. В августе 2004 г. мальчик начал посещать государственное дошкольное образовательное учреждение № 42 («детский сад») Санкт-Петербурга.

Мальчик утверждал, что во время нахождения в детском саду в 2005 году он подвергался наказанию со стороны воспитателей за то, что не спал во время тихого часа. Иногда его заставляли лежать на раскладной кровати в туалете. Свет в туалете выключали, и воспитательницы говорили ему, что его съедят крысы. Мальчик был очень этим напуган, так как однажды он видел в этом туалете крысу. В других случаях его заставляли стоять в коридоре с босыми ногами только в нижнем белье в течение всего тихого часа. Ему было очень холодно. Иногда воспитательницы его били кулаком по спине. Однажды они заклеили его рот скотчем. После того, как он стал задыхаться и попытался снять с себя скотч, воспитательницы заклеили его руки скотчем у него за спиной.

⁴ Текст постановления на русском языке см. по ссылке: <https://www.pytkam.net/node/51>

Некоторые другие дети также подвергались подобным формам наказания. Им угрожали, что если они будут жаловаться родителям, их накажут еще больше.

Кроме того, 7 ноября 2005 г. ребенку дважды закапывали глаза глазными каплями. При этом воспитательница К. наклонила его голову с такой силой, что у него заболела шея. Она села на ноги мальчику и пыталась силой открыть ему глаза своими руками. Ребенок был напуган и сопротивлялся, тогда она ударила его по лицу. В результате такого обращения у В.К. развилось неврологическое расстройство.

В ноябре 2005 года родители мальчика, узнав о том, что произошло с ним в детском саду, обратились с соответствующими жалобами в местный департамент образования и милицию. Данные жалобы ни к чему не привели, и в октябре 2006 года родители пожаловались в прокуратуру, которая стала проводить доследственную проверку. В ходе доследственной проверки прокуратура и полиция восемь раз отказывали в возбуждении уголовного дела.

В январе 2009 года полиция возбудила уголовное дело в отношении воспитательниц, однако впоследствии преследование было прекращено в связи с тем, что истек срок давности привлечения к уголовной ответственности за вменявшиеся воспитательницам на национальном уровне преступления (побои и неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). Попытка привлечь воспитательниц к ответственности за умышленное причинение вреда средней тяжести здоровью также не увенчалась успехом, поскольку отсутствовали доказательства наличия такого умысла.

Власти утверждали, что в данном деле воспитатели нарушили свои обязанности, однако власти не несут ответственности за действия воспитателей детского сада: «Детские сады не являются «государственными организациями», так как они не осуществляют властные функции. Они занимаются исключительно присмотром за детьми и их базовым дошкольным образованием» (§ 160 постановления).

Заявитель возражал, что действия воспитательниц нарушают ст. 3 Конвенции. Он акцентировал внимание Суда на том, что помимо прямых актов насилия в данном деле ни врач, ни медицинская сестра не устанавливали необходимость лечения его глаз, а также не оценивали вероятность вреда, который может это лечение нанести ребенку учитывая состояние его здоровья.

Между тем, у заявителя ранее была установлена аллергия на антибиотики, его здоровье в связи с закапыванием капель в глаза, содержащих антибиотик, было подвергнуто серьезному риску. Учитывая юный возраст и ранимость заявителя, а также длительные последствия жесткого обращения, представители мальчика в ЕСПЧ настаивали, что данные действия должны квалифицироваться как пытка.

Далее представители утверждали, что российское государство несет ответственность за данное жестокое обращение, так как оно было совершено воспитателями государственного детского сада.

Наконец, заявитель жаловался, что государство не исполнило позитивных обязательств по охране его здоровья и что расследование заявленного жестокого обращения проводилось неэффективно.

При оценке минимального порога жестокости Суд учел малолетний возраст заявителя, указав, что он был зависим от воспитателей, под контролем которых находился, и тем самым пребывал в особо уязвимом состоянии. Помимо возраста Суд отметил такие факторы, как:

- длительность обращения (заявитель подвергался жесткому обращению, по меньшей мере, несколько недель);
- тяжесть последствий (много лет спустя заявитель продолжает страдать от данных событий, что, в частности, выражается в форме посттравматического неврологического расстройства);
- вышеперечисленные действия были совершены воспитателями с позиции лиц, обладающих властью и контролирующих заявителя, и цель некоторых действий заключалась в воспитании его путем унижения человеческого достоинства.

Фактор возраста наравне с другими в совокупности повлиял на квалификацию Судом допущенного обращения как «бесчеловечного» (§ 172 постановления), что, в свою очередь, было учтено Судом при назначении компенсации морального вреда в размере **25 000 евро**.

Касаемо принадлежности воспитателей к агентам властей Суд обозначил, что данный вопрос определяется на основе множества факторов, ни один из которых сам по себе не является определяющим. Ключевые критерии, используемые для определения того, несет ли государство ответственность за действия того или иного лица, будь то формально публичное должностное лицо или нет, заключаются в следующем:

- **способ назначения,**
- **надзор и подотчетность,**
- **цели, полномочия и функции данного лица (§ 175 постановления).**

Соответственно, Суд проанализировал, действовали ли в данном деле воспитатели как частные лица или как представители государства и, в частности, имеется ли достаточная связь между оспариваемыми действиями и исполнением профессиональных обязанностей (§173).

В качестве аргументации Суд отмечает в § 180 постановления, что заявитель столкнулся с жестким обращением со стороны воспитателей детского сада на территории детского сада и во время рабочих часов данного учреждения.

Далее Суд отметил, что в России детские сады регистрируются как самостоятельные юридические лица в форме государственных или муниципальных учреждений. Такие учреждения имеют тесные институциональные и экономические связи с государством или муниципалитетом. В частности, их недвижимое имущество и оборудование принадлежат государству или муниципалитету, они имеют юридические ограничения в вопросе использования своих активов и имущества, и финансируются государством или из муниципальных средств. Также существенным является тот факт, что в соответствии с законодательством

государство или муниципалитет соответственно несут субсидиарную ответственность за любые долги и обязательства данных учреждений.

Европейский суд обратил внимание на то, **что детские сады созданы для оказания представляющей общественный интерес публичной услуги по уходу за детьми и их обучению. Эту услугу они предоставляют под контролем государства, которое устанавливает соответствующие образовательные стандарты и следит за их соблюдением.**

И хотя у детских садов есть некоторая свобода в определении их образовательных программ, они должны использовать государственные образовательные стандарты и выбирать из ряда официально утвержденных программ. **Они должны иметь лицензию, быть аккредитованы и выполнять официальные требования программы, органы власти также должны проводить регулярную оценку работы детских садов (§ 181).**

Наконец, Суд особо отметил тот факт, что директор воспитательного сада назначается государственными органами и несет перед ними ответственность за функционирование детского сада, а также за здоровье и благополучие воспитанников детского сада. Директор также нанимает воспитателей и обладает в отношении них дисциплинарными полномочиями. В контексте дела, рассматриваемого в данный момент, наиболее важно то, что директор несет ответственность за здоровье и благополучие учащихся детского сада (см. §§ 136 и 141 постановления). Директор осуществляет наём воспитателей и имеет полномочия назначать им дисциплинарные взыскания (§ 181).

В итоге Суд посчитал, что вышеперечисленных факторов достаточно для того, чтобы признать, что **воспитатели, исполняющие свои функции в государственных или муниципальных детских садах, могут рассматриваться как представители государства. Оспариваемые действия были связаны с осуществлением функций воспитателей.** Следовательно, государство несет прямую ответственность за противоправные деяния воспитателей, совершенные в отношении ребенка (§ 183).

Данное постановление носит прецедентный характер в вопросе определения ответственности государства за нарушения прав человека, вызванные действиями лиц, совершенными при исполнении ими своих обязанностей.

Впоследствии Суд ссылаясь на данное положение применительно к другим спорным делам, где вставал вопрос принадлежности акторов жестокого обращения к агентам государства (см., напр., постановление ЕСПЧ по делу **Chernega and others v. Ukraine** (жалоба 74768/10) от 18 июня 2019 г., стало окончательным 18 сентября 2019 г., где Суд пришел к выводу, что действия охранников могут считаться приписываемыми государству-ответчику).

Также данное постановление содержит важный ориентир относительно обязанности властей к проведению официального расследования независимо от того, было ли жестокое обращение следствием участия государственных представителей или частных лиц (§ 185 постановления), однако анализ нарушения властями требований Суда к эффективному расследованию не входит в предмет данного обзора.

Важность данного дела заключается также в том, что оно обнажило проблему неисполнения позитивных обязательств России в заявленной сфере. Так, национальное законодательство России не обеспечивает эффективных мер, направленных на борьбу со случаями жестокого обращения в детских учреждениях. В данном деле к серьезному преступлению, связанному с жестоким обращением в отношении четырехлетнего ребенка, власти отнеслись очень терпимо. Ответственность, которую претерпели воспитательницы, была несоизмерима со степенью страданий и ущербом, который был причинен потерпевшим детям. И даже после того, как власти узнали о жестоком обращении с заявителем со стороны воспитателей, они не предприняли никаких мер для защиты других детей из этого детского сада, чтобы оградить их от аналогичного обращения. Власти также не проинформировали прокуратуру о заявленном жестоком обращении.

Но вернемся к позитивным обязательствам и рассмотрим теперь, как Суд проанализировал ответственность государства за жестокое обращение в отношении ребенка со стороны частных лиц в детском доме.

1.3 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДЕТСКИХ ДОМАХ

В деле «**X и Y v. The Netherlands**» (*Постановление ЕСПЧ от 26 марта 1985 г., жалоба N 8978/80*) заявителем и жертвой нарушения прав человека была признана несовершеннолетняя гражданка Нидерландов (Y).

С девяти лет Y. жила в приюте для умственно отсталых детей. Однажды ночью ее разбудил зять директора учреждения (который жил в помещении учреждения, но не был его сотрудником). Он привел Y. в свою комнату, заставил ее раздеться и вступить с ним в половые отношения. Это произошло на следующий день после того, как девочке исполнилось 16 лет, и вызвало у неё серьёзное психическое потрясение.

Отец Y., г-н X. отправился в местный полицейский участок и попросил возбудить уголовное дело в отношении человека, совершившего нападение на его дочь. Однако власти отказались предъявить обвинение. В соответствии с действовавшим в то время законодательством Нидерландов, уголовное дело могло быть возбуждено только по инициативе предполагаемой жертвы.

Очевидно, что Y. была не способна сама подать соответствующую жалобу. Тем не менее, голландские суды постановили, что отец не вправе возбудить дело от ее имени. В законодательстве имелся пробел, в связи с которым уголовное преследование не могло быть начато, если жертва не инициировала его сама.

Отец подал жалобу от своего имени и от имени дочери в Комиссию по правам человека, которая в последствии признала жалобу приемлемой и передала на рассмотрение в ЕСПЧ.

Европейский суд постановил, что закон должен криминализировать сексуальное насилие и обеспечивать возможность судебного преследования лиц, совершивших такое насилие. Однако голландское законодательство не обеспечило уголовного преследования лица, напавшего на Y. Тем самым были нарушены ее основные права.

Любопытно, что Суд постановил, что в случае мисс Y была нарушена Статья 8 Конвенции, а именно право на уважение частной и семейной жизни.

Хотя заявители жаловались на Статью 3 Конвенции тоже, обосновывая свою позицию тем, что мисс Y физически пострадала от рук г-на Б. и что государство в определенных обстоятельствах несет ответственность за действия третьих сторон, а также что хроническая психологическая травма, причиненная Мисс Y, достигла такого уровня, который подпадает под действие этой Статьи 3 (*§ 33 постановления*).

Однако по мнению Комиссии, Статья 3 не была нарушена, поскольку не существует тесной и прямой связи между пробелом в законодательстве Нидерландов и областью защиты, охватываемой этой статьей. На слушаниях правительство приняло это мнение и заявило, что они не несут ответственности за обращение, причиненное заявительнице.

Установив, что Статья 8 была нарушена, Суд не посчитал, что он также должен рассматривать дело по Статье 3.

Как бы то ни было, однако в 1985 году в Уголовный кодекс Нидерландов были внесены поправки. В соответствии с принятыми поправками, за умственно отсталых лиц, ставших жертвами преступлений, уголовные дела могут инициировать их законные представители.

1.4 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ЦЕНТРАХ СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В деле **Blokhin v. Russia** Палата (см. *Постановление ЕСПЧ Блохин против России (№ 47152/06) от 14 ноября 2013 г.*), а затем и Большая Палата ЕСПЧ (см. *Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 23 марта 2016 г, жалоба № 47152/06*) исследовали вопрос о том, **является ли оказание неадекватной медицинской помощи несовершеннолетнему во время его содержания в центре для несовершеннолетних нарушением Статьи 3 Конвенции.**

Заявитель, которому в то время было 12 лет, страдал синдромом дефицита внимания, гиперактивностью и энурезом. Он был арестован и доставлен в отдел полиции по подозрению в вымогательстве денег у 9-летнего ребенка. На основании признания заявителя, показаний предполагаемой жертвы и его матери власти установили, что заявитель совершил преступления, запрещенные УК РФ. Поскольку заявитель не достиг установленного законом возраста уголовной ответственности, уголовное дело в отношении него не возбуждалось. По решению суда 21 февраля 2005 г. он был помещен в центр временного содержания несовершеннолетних на 30 дней для «исправления его поведения» и предотвращения совершения им правонарушений.

Рассмотрение дела Палатой

Заявитель утверждал, что его здоровье ухудшилось во время пребывания в центре, так как ему не оказывалась медицинская помощь. При этом заявитель указывал, что его дедушка информировал медицинский персонал о его состоянии здоровья.

Власти были убеждены, что заявитель ежедневно проходил медицинские осмотры, несмотря на то, что все документы из его личного дела, по их утверждению, были уничтожены за истечением срока хранения.

Суд, приняв во внимание поведение властей, установил, что утверждения заявителя достоверны. В частности, Суд не принял утверждения властей о том, что медицинские документы заявителя были уничтожены за истечением срока

хранения на основании национального права, так как Суду не был предоставлен ни соответствующий нормативно-правовой акт, ни документ об уничтожении медицинских документов заявителя. Он также не был опубликован и не был доступен для общественности. Довод о том, что заявитель не сообщил о своих проблемах со здоровьем, Суд также признал недостоверным, так как власти при обосновании своей позиции полагались на документы, которые, вероятно, были уничтожены и не представлены Суду (§ 90 постановления).

Суд принял во внимание тот факт, что дедушка заявителя информировал власти о состоянии здоровья последнего исходя из судебных разбирательств на национальном уровне и отсутствия доказательств обратного со стороны властей. В связи с изложенным Суд был убежден, что власти были осведомлены о состоянии здоровья заявителя, и установил, что заявитель не был под медицинским наблюдением, рекомендованным ему по состоянию психического здоровья врачом до помещения в центр, так как в центре для несовершеннолетних находились лишь педиатр, несколько медсестер и психолог без медицинской квалификации. Власти не смогли доказать обратное (§ 93).

Рассмотрение дела в Большой Палате

Власти заявили, что ввиду отсутствия записей были вынуждены полагаться на показания сотрудников центра, которые утверждали, что никаких жалоб на условия содержания не поступало. Далее, по их мнению, энурез не был упомянут в медицинских документах, представленных заявителем. По их мнению, заявитель не представил доказательств о том, что поведенческое расстройство препятствовало его помещению в центр временного содержания и заключение эксперта в связи с этим, а также заключение эксперта о том, что пребывание в центре привело к ухудшению состояния его здоровья. Власти утверждали, что заявитель имел доступ к медицинской помощи, находясь в указанном учреждении.

Заявитель подчеркнул, что на момент помещения в центр временного содержания для несовершеннолетних он страдал рядом заболеваний и что условия содержания в центре привели к ухудшению его здоровья, в связи с чем он нуждался в оказании медицинской помощи. Данный факт, по его мнению, также подтверждался принудительной госпитализацией в психиатрическую клинику сразу после освобождения из центра содержания несовершеннолетних. Заявитель далее утверждал, что **в судебном заседании не поднимался вопрос о наличии или отсутствии у него противопоказаний медицинского характера для помещения в данное учреждение.**

При рассмотрении дела в Большой Палате в качестве третьей стороны выступил правозащитный центр Mental Disability Advocacy Center (MDAC), который подчеркнул, что **дети с психическими расстройствами особенно уязвимы при нарушении их прав.** MDAC указал на цель Конвенции ООН о правах инвалидов - обеспечение равенства и недискриминации во всех областях, приоритет интересов ребенка и обеспечение государством защиты и ухода, необходимых для благополучия ребенка. MDAC далее сослался на рекомендации Комитета по правам ребенка о том, что **дети-инвалиды, нарушившие закон, не должны помещаться в обычные центры содержания несовершеннолетних в порядке предварительного заключения или наказания.** MDAC сослался также на дело **Z. and Others v. the United Kingdom [GC] (№ 29392/95, §73)**, подчеркнув, что государства **обязаны принимать конкретные меры для обеспечения эффективной защиты уязвимых лиц от жестокого обращения, о котором властям было или должно было быть известно.**

Большая Палата подтвердила вывод Палаты о том, что неоказание медицинской помощи может приравниваться к обращению, противоречащему Статье 3 Конвенции (*§136 постановления*). Что касается помещения несовершеннолетнего в центр временного содержания, властями должно быть составлено медицинское заключение о состоянии его здоровья (*§138*). Суд

отметил, что как **молодой возраст заявителя**, так и его состояние здоровья являются обстоятельствами, имеющими отношение к оценке того, был ли достигнут минимальный уровень тяжести (см. § 141).

Как установил Суд, незадолго до помещения в центр заявитель был осмотрен неврологом и психиатром, которые назначили ему лечение и регулярное медицинское наблюдение (§ 144). Суд подчеркнул, что дедушка заявителя говорил о его заболеваниях на судебном слушании при решении вопроса о помещении под стражу, где присутствовал сотрудник инспекции по делам несовершеннолетних и должен был присутствовать представитель центра временного содержания в соответствии с национальным правом. Именно поэтому Суд установил, что власти знали о состоянии здоровья заявителя, даже если его личное дело было уничтожено (см. § 145).

Между тем, факт немедленной госпитализации после освобождения свидетельствует о том, что заявителю не было оказано необходимого лечения. В итоге Суд установил, что заявителю не была обеспечена медицинская помощь в условиях, когда он в течение 30 дней находился без права выезда, полностью под контролем и ответственностью персонала центра (см. § 146).

В итоге Суд пришел к выводу о нарушении прав заявителя в соответствии со статьей 3 в связи с отсутствием необходимого медицинского обслуживания в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, учитывая его юный возраст и особо уязвимое положение, поскольку он страдал синдромом дефицита внимания и гиперактивности (см. § 148 постановления).

Как видно, в обстоятельствах дела Блохина заявитель изначально указывал на признаки бесчеловечного обращения, такие как применение коллективных наказаний и необоснованных ограничений, которые сами по себе не являются неотъемлемыми условиями содержания в центре, а применяются сотрудниками государственного учреждения, на которых так же, как и на воспитателях в детском саду или на учителях в школе, лежит обязанность заботиться о подопечных и участвовать в их образовании. К

сожалению, в данном деле Суд не дал указанным фактам правовой оценки, а ограничился исключительно анализом жалобы об отсутствии надлежащей медицинской помощи в центре, посчитав, что рассматривать иные жалобы заявителя на негуманные условия не было необходимости.

Таким образом, независимо от того, находится ли ребенок школе, в детском саду или в специализированном закрытом детском учреждении, он пребывает в заведомо уязвимом состоянии в силу возраста, что сокращает возможности для защиты от посягательств на человеческое достоинство ребенка. Потому государство должно гарантировать, чтобы в местах детского пребывания было исключено жестокое обращение со стороны контролирующих их лиц. Ответственность за любые незаконные действия сотрудников таких учреждений возлагается на власти страны.

При вынесении данного постановления Суд принял во внимание следующие материалы Совета Европы, которые содержат важные рекомендации государствам-участникам в данном вопросе.

Рекомендации ПАСЕ 1934 (2010 г.) по вопросу насилия в отношении детей в детских учреждениях и обеспечения полноценной защиты жертв

«4. Что касается недавно вскрывшихся и продолжающих вскрываться фактов насилия в отношении детей и действующих норм, касающихся сексуального, физического и эмоционального насилия в отношении детей, Ассамблея рекомендует, чтобы Комитет министров предложил государствам-членам:

4.1. обеспечить законодательную защиту, в частности, путем следующих мер:

4.1.1. принятие законодательства, прямо запрещающего все формы насилия в отношении детей: физическое или психологическое насилие, оскорбление или злоупотребление (включая сексуальное насилие), отсутствие заботы или небрежное обращение, грубое обращение или эксплуатацию - в том числе в детских учреждениях, государственных и частных учебных заведениях, исправительных учреждениях для несовершеннолетних и

досуговых объединениях, и введение уголовной ответственности за любое умышленное насилие в отношении ребенка, совершенное лицом, злоупотребляющим доверием, властью или влиянием на ребенка;

4.1.2. предусмотреть возможность привлечения к ответственности виновных в насилии в отношении детей в силу занимаемой должности вне зависимости от обстоятельств; ...

4.1.4. установление таких сроков давности для преступлений, связанных с актами насилия в отношении детей, в гражданском и уголовном праве, которые были бы соразмерны и соответствовали тяжести совершенных преступлений и в любом случае не истекали до достижения жертвой совершеннолетия; ...

4.1.8. введение запрета и исключение из практики работы детских учреждений некоторых видов наказания несовершеннолетних как унижающих их достоинство и нарушающих их права...».

Резолюция ПАСЕ 1803 (2011 г.) по вопросу воспитательной работы по борьбе с насилием в школе:

«17.1.1. уголовные и/или дисциплинарные нормы должны содержать четкие положения о запрещении всех действий, совершаемых в школе, которые могут подходить под определение "насильственные", включая физические или унижающие достоинство наказания учащихся, насилие в отношении учащихся со стороны школьного персонала, насилие в отношении учащихся со стороны третьих лиц, совершаемое на школьной территории, а также агрессивное поведение одних учащихся по отношению к другим учащимся, школьному персоналу или школьному имуществу ...

17.1.3. все акты насилия должны расследоваться и регистрироваться и, если такие действия носят достаточно серьезный характер, они должны доводиться до сведения компетентных правоохранительных или дисциплинарных органов; в этой связи в образовательных учреждениях должны быть созданы надлежащие механизмы по приему жалоб».

**Рекомендации Комитета Министров Совета Европы CM/Res (2009)
по вопросу комплексных национальных стратегий защиты детей от
насилия:**

«Государство несет всю полноту ответственности по обеспечению права ребенка на защиту от всех форм насилия, независимо от его степени. Необходимо принять все необходимые законодательные, административные и социальные меры, а также меры в области образования, запрещающие все формы насилия в любое время и в любых условиях с целью защиты всех детей в пределах юрисдикции государства. Необходимо отменить правовую поддержку и санкционирование любой формы насилия, в том числе с целью коррекции, дисциплинарного воздействия или наказания внутри семьи или за ее пределами. Запрет должен в обязательном порядке распространяться на:

g. все формы насилия в школьной среде;

h. все виды телесных наказаний и других жестоких, бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство видов обращения или наказания детей, как физических, так и психологических...».

Важные рекомендации содержат также *Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)*. Эти правила сформулированы таким образом, чтобы они могли применяться в рамках различных правовых систем и в то же время устанавливать некоторые минимальные стандарты в обращении с несовершеннолетними правонарушителями.

Рассмотрим теперь подробнее, как Суд оценил случаи, когда жестокое обращение применялось к детям со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также к родителям на глазах у детей в ходе заранее спланированных спецопераций.

РАЗДЕЛ II

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ СО СТОРОНЫ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

2.1 ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ СО СТОРОНЫ ПОЛИЦЕЙСКИХ

В деле «**Assenov and others v. Bulgaria**» (*Постановление ЕСПЧ от 28 октября 1998 г., жалоба № 90/1997/874/1086*) заявителю было 14 лет на момент описываемых событий.

19 сентября 1992 г., играя в азартные игры на рыночной площади Шумена, Ассенов был задержан полицейским, не находившимся на службе, и приведен на находящуюся рядом автобусную станцию, где офицер вызвал подмогу. Впоследствии родители Ассенова, работавшие на автобусной станции, пришли и попросили отпустить их сына. Его отец Иванов, желая показать, что он обязательно накажет своего сына, взял фанерную рейку и ударил его. В какой-то момент прибыли два других сотрудника полиции. Заявители утверждают, что эти полицейские били мальчика дубинками. Последовал спор между родителями мальчика и полицией, хотя, как представляется, сам Ассенов вел себя неагрессивно и послушно. На него и его отца надели наручники и запихнули в полицейскую машину. Их отвезли в отделение полиции, где продержали примерно два часа, прежде чем выпустили без предъявления обвинения. Ассенов утверждал, что полицейские в отделении били его игрушечным пистолетом и дубинками, а также кулаками в живот.

Суд сослался на свои общие принципы о том, что жестокое обращение – чтобы подпадать под действие Статьи 3 – может достигать минимального уровня суровости. Оценка этого минимума относительна: она зависит от обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физические и/или психические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы. В отношении лица, лишённого свободы, применение физической силы, необходимость которой не была бы обоснована его собственным поведением, унижает человеческое достоинство и, в

принципе, является нарушением субъективного права, установленного статьей 3 (§ 94 постановления).

Суд заключил, что степень тяжести ушибов, обнаруженных врачом, осматривавшим Ассенова, указывает, что повреждения последнего – были они причинены его отцом или полицией – были достаточно серьезными, для того, чтобы быть признанными жестоким обращением в рамках Статьи 3. Остается рассмотреть, может ли государство быть признанным ответственным за эти повреждения в соответствии со Статьей 3 (§ 95 постановления).

При оценке представленных ей доказательств Комиссия учла принцип, согласно которому утверждение лица о фактах жестокого обращения во время задержания обязывает Правительство представить исчерпывающее и достаточное объяснение тому, каким образом были причинены повреждения. Она признала, что на автобусной станции возникла ссора между сотрудниками полиции и Ивановым, что последний бил своего сына фанерной рейкой, пытаясь показать, что он сам накажет своего сына, и что оба заявителя были задержаны и содержались в отделении полиции примерно около двух часов. Однако более четырех с половиной лет спустя после событий, и в силу того, что в достаточной степени независимое и своевременное расследование не было проведено национальными властями, Комиссия была не в состоянии установить, какая версия событий является более правдоподобной. Поэтому она не нашла нарушения статьи 3 Конвенции (§ 92 постановления).

Суд, как и Комиссия, полагает невозможным установить на основании имеющихся у него доказательств, были ли повреждения на теле заявителя причинены, как он утверждал, сотрудниками полиции (§ 100 постановления).

В деле **Okkali v. Turkey** (Постановление ЕСПЧ от 17 октября 2006 г., жалоба № 52067/99) 12-летний мальчик был избит сотрудниками полиции, которые пытались заставить его признаться в краже денег у работодателя (обвинение в краже было впоследствии снято). Он покинул полицейский участок пошатываясь, с рвотой и серьезным телесным повреждением. Позднее был инициирован судебный процесс в отношении двух полицейских.

Сотрудники полиции, пытавшие заявителя, фактически остались безнаказанными: было достигнуто соглашение о том, что если они не совершат никаких преступлений в течение пяти лет после осуждения, то вынесенные им приговоры никогда не будут исполнены.

Заявитель утверждал, что издевательский характер вынесенных приговоров, отсутствие каких-либо административных санкций, несмотря на дисциплинарный регламент соответствующей службы, и повышение по службе, назначенное одному из подсудимых, пока дело еще находилось на рассмотрении, были всеми факторами, которые сделали защиту, предусмотренную общим запретом на жестокое обращение, иллюзорной и, следовательно, представляли собой нарушение статьи 3 Конвенции.

Правительство утверждало, что уголовное производство, приведшее к осуждению сотрудников полиции, полностью соответствовало требованиям Конвенции: материальные и медицинские доказательства были собраны оперативно, а показания свидетелей приняты без промедления; органы прокуратуры предъявили обвинения двум сотрудникам полиции, хотя жалоба была подана только на одного; а суд первой инстанции разрешил отцу заявителя активно участвовать в разбирательстве в качестве гражданской стороны, удовлетворил все его просьбы и заслушал свидетелей, которых он просил вызвать. Кроме того, после повторного рассмотрения дела в соответствии с апелляционным решением национальный суд установил, что действительно имело место вымогательство признания под пыткой, и вынес более суровый приговор соответствующим сотрудникам полиции. Несмотря на упорное отрицание обвинений сотрудниками полиции, суд присяжных счел, что при отсутствии доказательств обратного содержание досье было достаточным для установления того, что синяки, обнаруженные на лице заявителя, были нанесены в полицейском участке, и именно поэтому он смог признать подсудимых виновными.

Правительство пояснило, что причина, по которой судьи вынесли минимальный приговор, предусмотренный статьей 243 Уголовного кодекса,

закljučается в том, что они использовали свое усмотрение и считали, что нет никакого риска того, что соответствующие сотрудники полиции совершат еще одно преступление.

Задача Суда состояла в том, чтобы установить, в какой степени национальные суды, прежде чем прийти к какому-либо заключению, могут считать, что они передали рассматриваемое ими дело на скрупулезное рассмотрение, требуемое статьей 3, с тем чтобы сохранить сдерживающую силу судебной системы и ту важную роль, которую она играет в поддержании запрета пыток (*§ 66 постановления*). Вместо определения того, проводилось ли предварительное расследование, которое полностью отвечало всем процедурным требованиям, – а оно, по – видимому, проводилось, – Суд рассмотрел вопрос о том, действительно ли судебные органы, призванные защищать физическую и психологическую неприкосновенность людей, проявили решимость наказать виновных (*§ 68 постановления*).

Суд с сожалением отметил, что в национальных решениях и замечаниях правительства не упоминается об особой серьезности оспариваемых деяний, учитывая возраст жертвы, или о каких-либо внутренних положениях, касающихся защиты несовершеннолетних.

В свете прецедентного права Суда, согласно которому дети, особенно уязвимые к различным формам насилия, имеют право на государственную защиту в форме эффективного сдерживания от таких серьезных нарушений личной неприкосновенности, Суд разумно ожидал, что власти придадут определенный вес вопросу об уязвимости заявителя.

Вместе с тем Суд отмечает, что не только забота о предоставлении дополнительной защиты несовершеннолетнему, о котором идет речь, была крайне недостаточной на протяжении всего разбирательства, но и последовавшая за этим безнаказанность была достаточной, чтобы поставить под сомнение способность судебной системы, приведенной в действие в данном случае, произвести достаточно сдерживающий эффект, чтобы защитить кого-либо вообще, несовершеннолетнего или иного лица, от

нарушения абсолютного запрета, закрепленного в Статье 3 (§ 70 постановления).

Оспариваемое решение национального суда свидетельствовало Суду о том, что судьи осуществляли свое усмотрение скорее для того, чтобы свести к минимуму последствия чрезвычайно серьезного противоправного деяния, чем для того, чтобы показать, что такие действия никоим образом не могут быть терпимы (§ 75 постановления).

Суд пришел к выводу, что уголовно-правовая система, применявшаяся в данном случае, отнюдь не была достаточно строгой, чтобы эффективно предотвращать незаконные действия того типа, на который жаловался заявитель.

Таким образом, в данном деле Суд установил, что была нарушена статья 3 в связи с безнаказанностью полицейских и отсутствием специальных средств защиты для несовершеннолетних. При рассмотрении дела заявителя на национальном уровне не было уделено внимание защите несовершеннолетнего. Возраст заявителя не упоминался в качестве отягчающего обстоятельства при назначении наказания полицейским, как не было ссылки на национальное законодательство о защите несовершеннолетних. Безнаказанность виновных также поставила под сомнение сдерживающий эффект судебной системы и её способности защитить кого-либо вообще в подобной ситуации, не только ребенка.

Наиболее знаковым по применению насилия полицией к несовершеннолетнему является прецедентное постановление Суда «**Bouyid v. Belgium**» (Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 28 сентября 2015 г., жалоба № 23380/09).

Заявители – два брата. 8 декабря 2003 г. примерно в 16:00 первый заявитель, которому на момент событий исполнилось 17 лет, был задержан возле своего дома в связи с отказом представить полицейскому паспорт для проверки. Первый заявитель был доставлен в местный отдел полиции для установления личности, где в одном из кабинетов задержавший его

полицейский дал первому заявителю пощечину в связи с тем, что тот протестовал против своего задержания. После установления личности первый заявитель был отпущен из отдела полиции. 23 февраля 2004 г. между 09:44 и 10:20 второй заявитель был допрошен в местном отделе полиции в связи со своим участием в стычке. Полицейский дал второму заявителю пощечину в связи с тем, что последний наваливался на его стол. Полицейский также заставил второго заявителя подписать показания, пригрозив, что в противном случае второго заявителя поместят в камеру, после чего второй заявитель был отпущен из отдела полиции.

Факт причинения первому заявителю телесных повреждений («покраснение на левой щеке (исчезающее)»), «покраснение на левой стороне внешнего слухового канала») заявители подтвердили медицинской справкой от врача общей практики. Факт причинения второму заявителю телесных повреждений («кровоподтек на левой щеке») подтверждается медицинской справкой от того же врача общей практики, полученной 23 февраля 2004 г. примерно в 11:20. Однако Правительство не представило разумных объяснений относительно происхождения телесных повреждений заявителей и доказательств строгой необходимости применения физической силы, вызванной поведением заявителей. Правительство ограничилось отрицанием самого факта нанесения пощечин. У полицейских, в свою очередь, не было обнаружено каких-либо телесных повреждений, из чего следует, что заявители не оказывали им сопротивления и применение к ним физической силы не было строго необходимым.

Первый заявитель также утверждал, что основания для проверки его документов были неясными, необходимость установления его личности была неоправданной. Кроме того, на момент событий первый заявитель был несовершеннолетним и гораздо физически более слабым, чем ударивший его по лицу полицейский, который при задержании при задержании первого заявителя также порвал его куртку. Пощечина от полицейского вызывала в нем чувство страха, которое усугубилось воспоминаниями об инциденте

четырёхгодичной давности, когда из-за удара полицейского у первого заявителя оказалась повреждена барабанная перепонка.

Правительство выразило несогласие с тем, что рассматриваемое дело должно служить стандартом в борьбе с полицейским насилием, поскольку факты применения силы полицейскими не установлены «вне разумных сомнений».

Центр прав человека при Гентском университете в качестве третьей стороны заявил, что с учетом прецедентной практики Суда, обстоятельства настоящего дела не достигли минимального порога жестокости, необходимого для установления нарушения ст. 3 Конвенции. Однако решающее значение при рассмотрении указанного вопроса в настоящем деле играет тот факт, что полицейские превысили свои полномочия по отношению к лицам, которые полностью находились под их контролем. В связи с этим минимальный порог жестокости должен быть снижен. Кроме того, при оценке того, был ли достигнут в рассматриваемом деле минимальный порог жестокости, следует обратить внимание на особо уязвимое положение лиц в период их нахождения под контролем в отделе полиции, а также обязательства государства обеспечивать безопасность таких лиц, в особенности, если лицо не достигло совершеннолетнего возраста. В данном контексте даже простая пощечина может спровоцировать серьезные психологические последствия для лица, несовместимые с требованиями ст. 3 Конвенции, особенно в ситуациях, когда физическая сила применялась в целях запугивания, подавления нежелания сотрудничать с правоохранительными органами или даже в качестве наказания.

Неправительственная организация «REDRESS» указала, что сложившееся международное право прав человека допускает применение физической силы правоохранительными органами только в случае строгой необходимости и при соблюдении принципа пропорциональности применения силы преследуемой законной цели. Использование силы в отношении детей недопустимо, за исключением крайне немногочисленных оснований. Данный

запрет распространяется на любые формы применения силы, в том числе, не связанные с физическим и непреднамеренным насилием. Частота и серьезность применения силы не имеют значения.

Таким образом, к оценке суда были представлены два основных вопроса: является ли нанесение полицейским пощечины лицу, находящемуся под контролем правоохранительных органов, нарушением Статьи 3 Конвенции, и влияет ли возраст жертвы на квалификацию действий сотрудника полиции как жестокого обращения в контексте Статьи 3 Конвенции.

Поначалу дело рассматривалось Палатой и 7 7 судей, и Суд постановил, что минимального порога жестокости не было достигнуто даже с учетом возраста заявителя. Однако заявитель сделал запрос о пересмотре дела, и Суд при рассмотрении дела в Большой Палате счел доказанным факт применения физической силы полицейскими по отношению к заявителям, обратив особое внимание на то, что применение физической силы сотрудником правоохранительных органов по отношению к лицу, находящемуся под его полным контролем, является серьезным ущемлением личного достоинства. Пощечина затрагивает часть тела человека, которая выражает его индивидуальность, проявляет его социальную идентичность и составляет центр его чувств, зрения, речи и слуха, которые используются для коммуникации с другими (*см. § 103-104 Постановления*).

Для квалификации жестокого обращения в качестве «унижающего человеческое достоинство» достаточно, чтобы жертва была унижена в собственных глазах. Пощечина, полученная от сотрудника правоохранительных органов, подчеркивает его превосходство над подконтрольным ему лицом. Последнее, даже зная о недопустимости и неэтичности подобного обращения, может в данных обстоятельствах испытывать чувство несправедливости и беспомощности (*см. § 105-106 Постановления*).

Не имеет значения обстоятельство, что пощечина была нанесена полицейскими неумышленно и являлась произвольной реакцией на

вызывающее поведение заявителей. Статья 3 Конвенции запрещает жестокое обращение при любых обстоятельствах и возлагает на государство позитивные обязательства обеспечивать надлежащую подготовку сотрудников правоохранительных органов (см. § 108 Постановления).

Суд также обратил внимание на возраст первого заявителя на момент событий и отметил его повышенную уязвимость именно в силу несовершеннолетнего возраста. Суд подчеркнул, что действия сотрудника правоохранительных органов могут нарушать ст. 3 Конвенции именно в силу несовершеннолетнего возраста жертвы, даже если по отношению ко взрослому лицу такие действия являлись бы приемлемыми (см. § 109-110 Постановления).

Суд пришел к выводу, что в обоих случаях не существовало строгой необходимости применения физической силы к заявителям и что полученные ими пощечины ущемляли их личное достоинство и нарушали ст. 3 Конвенции.

Любопытно, что судьи Гаэтано, Лемменс и Махони высказали свое отдельное мнение относительно того, что задача Суда заключается не в установлении правил поведения сотрудников правоохранительных органов, а в оценке произошедших событий с точки зрения нарушения прав человека в соответствии с Конвенцией. По их мнению, в настоящем деле у Суда *недостаточно оснований для оценки несовершеннолетнего возраста первого заявителя как значимого обстоятельства, поскольку такой подход является чрезмерно теоретизированным.* Суд не учел контекст личных взаимоотношений первого заявителя с полицией, в том числе, то обстоятельство, что рассматриваемые события не были первым случаем конфронтации между первым заявителем и полицейским. Кроме того, заявитель проживал в семье, которая на протяжении нескольких лет конфликтовала с местной полицией. В связи с данными обстоятельствами выводы Суда могут быть далеки от реальности.

Таким образом, данное постановление подняло весьма спорный вопрос, который вызвал разделение мнений у судей. Решение, принятое в итоге Судом,

позволяет говорить о некотором снижении порога жестокости, что важно для дальнейшего рассмотрения аналогичных жалоб. Кроме того, Суд остался неизменным своим представлением об особой уязвимости несовершеннолетних, хотя, как было указано выше, не все судьи разделили это мнение. Суд подтвердил, что жестокое обращение может иметь более серьезные последствия в психологическом плане для несовершеннолетнего, и подчеркнул, что сотрудникам правоохранительных органов, контактирующим с несовершеннолетними при исполнении своих обязанностей, крайне важно должным образом учитывать уязвимость, присущую их молодому возрасту.

В деле **«Zherdev v. Ukraine** (Постановление ЕСПЧ от 27 апреля 2017 г., жалоба № 34015/07) Суд исследовал вопрос о том, является ли оставление несовершеннолетнего заявителя в отделе полиции в нижнем белье и наручниках нарушением Статьи 3 Конвенции.

20 февраля 2005 г. заявитель, которому на момент событий исполнилось 16 лет, был доставлен в отделение полиции в связи с расследованием убийства женщины, работающей ночным охранником в магазине. Заявитель утверждал, что сотрудники полиции избивали его при допросе в отделении 20 и 21 февраля 2005 г. и угрожали, что предъявят ему обвинение в изнасиловании убитой женщины, а также что заявитель подвергнется сексуальному насилию в тюрьме со стороны других заключенных. Также 20 февраля 2005 г. у заявителя изъяли одежду для проведения экспертизы, в связи с чем с 16:00 до 19:30 он находился в отделе полиции раздетым до нижнего белья и закованным в наручники, что оказало на него серьезное психологическое давление и убедило в реальности угроз о сексуальном насилии в тюрьме. Вечером того же дня заявитель был помещен в ИВС, где уже находились двое взрослых арестованных, один из которых на момент событий был болен туберкулезом. Указанные факты оказали на заявителя серьезное психологическое давление и вынудили его дать ложные признательные показания.

Суд отметил, что у властей была серьезная причина для изъятия одежды заявителя (получение доказательств его причастности к преступлениям). Однако власти не объяснили, почему не предоставили заявителю запасную одежду (§87 постановления).

Суд также обратил внимание на возраст заявителя и его утверждение о том, что данный поступок сотрудников полиции оказал серьезное влияние на его психологическое состояние и убедил его в реальности угроз о сексуальном насилии в тюрьме (§91 постановления).

В отношении помещения заявителя в ИВС вместе со взрослыми арестованными Суд отметил, что пребывание заявителя в ИВС длилось сравнительно недолго, заявитель не сообщал о каких-либо враждебных действиях со стороны сокамерников. Также неясно, представлял ли заключенный, больной туберкулезом, непосредственную опасность инфицирования для заявителя. Тем не менее, Суд обратил внимание на наркотическую зависимость сокамерников заявителя, а также на хрупкое психологическое состояние самого заявителя в период содержания в ИВС, зафиксированное в заключении психиатрической экспертизы (§92 постановления).

Сама по себе ситуация, при которой несовершеннолетний заявитель, впервые столкнувшийся с системой уголовного правосудия и испытывавший в связи с этим чувство уязвимости и неопределенности, был оставлен в отделе полиции на 2,5 часа практически без одежды и закованным в наручники, достигает уровня нарушения ст. 3 Конвенции. Дальнейшее помещение заявителя в ИВС со взрослыми заключенными в нарушение национального права заставило его испытать чувство страха, тоски, собственной беспомощности и неполноценности и унизило его человеческое достоинство (§93 постановления).

Европейский Суд также признал нарушение статьи 6 Конвенции («Право на справедливое судебное разбирательство») и постановил, что «ни письмо, ни дух» статьи 6 не позволяют детям отказываться от своего права на адвоката.

Суд признал, что дети с учётом их возраста, зрелости, словесных, когнитивных и эмоциональных навыков испытывают трудности с полным пониманием своих прав и эффективным участием в судебных разбирательствах. В этом же решении Суд, обращая внимание на важность предоставления адекватной защиты прав детям, указывает, что согласно исследованиям дети рискуют подвергнуться жестокому обращению, незаконному давлению и другим формам насилия, что ставит под угрозу их долгосрочные и краткосрочные интересы.

В свежем российском деле *Avdyukov and others v. Russia* (*Постановление ЕСПЧ от 3 марта 2020 г., жалоба № [33373/07](#) и 9 других*) одному из заявителей, Колыханову, на момент описываемых событий было 17 лет. Вечером 9 октября 2007 года сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью Кемеровской области задержали заявителя на улице по подозрению в совершении преступления и доставили в отделение полиции. По словам заявителя, полицейские избили его на вокзале деревянной палкой и угрожали изнасилованием. Жестокое обращение продолжалось до самого утра. Затем его отпустили.

11 октября 2007 года заявитель прошел судебно-медицинскую экспертизу, у заявителя были синяки на лице, голове, правом ухе, груди, верхних и нижних конечностях, ягодицах, а также ушиб обеих почек в результате удара твердым тупым предметом.

Суд с самого начала отметил, что как молодой возраст заявителя, так и его состояние здоровья являются обстоятельствами, имеющими отношение к оценке того, был ли достигнут минимальный уровень тяжести (§141 постановления). **Крайне важно, чтобы сотрудники правоохранительных органов, контактирующие с несовершеннолетними при исполнении своих обязанностей, должным образом учитывали уязвимость, присущую их молодому возрасту. В данном случае заявитель был задержан в полицейском участке на всю ночь, избит палкой и ему угрожали**

изнасилованием. Заявитель получил множественные травмы лица и тела, а также ушиб обеих почек.

Суд посчитал, что, учитывая молодой возраст заявителя в то время и то, что жестокое обращение, примененное к нему с целью получения признания, причинило ему сильную физическую боль и психические страдания, заявитель был подвергнут пыткам (§131 постановления).

Таким образом, факт того, что заявитель был несовершеннолетним, повлиял наравне с другими обстоятельствами на квалификацию допущенного обращения как пытку, то есть как самый серьезный из всех видов обращения.

Как видно из данного раздела, ЕСПЧ выработал свой подход, основанный на том, что поведение полиции по отношению к несовершеннолетним может быть несовместимо с требованиями Статьи 3 Конвенции только потому, что они являются несовершеннолетними, в то время как в отношении взрослых схожее обращение может считаться приемлемым. По мнению Суда, сотрудники правоохранительных органов должны проявлять большую бдительность и самоконтроль при общении с несовершеннолетними.

Однако дети, как известно, находятся в тесных взаимоотношениях с родителями. Определенные действия сотрудников правоохранительных органов в отношении родителей на глазах у детей могут породить вопрос о жестоком обращении в отношении детей, которые будут испытывать неизбежные страдания в силу особой эмоциональной связи с родителями. Рассмотрим такие случаи в следующем разделе.

2.2 СПЛАНИРОВАННЫЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОДИТЕЛЕЙ В ПРИСУТСТВИИ ИХ ДЕТЕЙ

В недавнем российском деле **A. v. Russia** (*Постановление ЕСПЧ от 12 ноября 2019 г., жалоба № 37735/09*) заявительнице было 9 лет на момент описываемых событий. Отец заявительницы, будучи сотрудником полиции, был задержан представителями Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. Специальная операция была проведена после того, как отец заявительницы после завершения торжественного мероприятия в школе подошел к собственному транспортному средству вместе с дочкой.

Когда заявительница села в машину, к ее отцу подошел человек, вместе с которым он работал в местном отделе полиции. По утверждению заявительницы, этот человек попросил ее отца присмотреть за своей сумкой, пока тот сходит в магазин. Как только последний ушел, к ее отцу подбежали люди и стали избивать его. Заявительница выскочила из машины и закричала, чтобы они перестали избивать ее отца. Один из мужчин крикнул ей, чтобы она замолчала и села в машину. Испугавшись, заявительница села в машину и наблюдала, как арестовывают и избивают ее отца. В какой-то момент она открыла дверцу машины и побежала домой. Увидев, что из ее дома выходят незнакомые люди, она испугалась еще больше и побежала к дому своей бабушки. По дороге она встретила своего дядю. Она была в состоянии шока и не могла объяснить, что случилось. Девочка была доставлена сначала домой, а вскоре в медицинское учреждение, где у нее было диагностировано неврологическое расстройство и энурез.

В связи с этим, опираясь на статью 3 (запрещение пыток) и статью 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции по правам человека (Конвенция), гражданка РФ обратилась в апреле 2009 года в ЕСПЧ с жалобой, заявив, что ей был нанес ущерб здоровью, поскольку она стала свидетелем применения физической силы к ее отцу в ходе проведения спецоперации.

Состояние здоровья заявительницы после описанных событий. Она утверждала, что начала кричать по ночам, боялась оставаться одна, потеряла жизнерадостность и интерес к музыке, несмотря на то, что была успешной ученицей по классу скрипки. Помимо прочих неврологических заболеваний у нее было диагностировано посттравматическое стрессовое расстройство. По заключению экспертизы от 2018 г. между арестом ее отца в тот день и последующими проблемами со здоровьем могла быть причинно-следственная связь.

Власти полагали, что не могли предвидеть присутствие заявительницы во время задержания ее отца. По их мнению, полицейские не могли точно предсказать время и место совершения ее отцом преступления, в то время если бы отец заявительницы не был арестован, это могло привести к утрате доказательств.

Суд установил, что присутствие 9-летнего ребенка на месте задержания ее отца сотрудниками правоохранительных органов при отсутствии всякого сопротивления с его стороны причинило ей страдания, достигающие уровня жестокого обращения в нарушение Статьи 3 Конвенции (**негативное обязательство**).

Власти при планировании и проведении операции не учли тот факт, что 9-летняя заявительница может присутствовать на месте задержания своего отца и наблюдать за его задержанием с применением насилия. В связи с этим Суд установил, что власти не выполнили свое **позитивное обязательство** в соответствии со Статье 3 и не предотвратили жестокое обращение, которому подверглась заявительница в данном случае.

Суд пришел к выводу о том, что государство должно принимать меры, чтобы защитить детей, как особо уязвимые категории лиц, от актов насилия. По мнению Суда, такие меры должны быть эффективными и включать разумные шаги с тем, чтобы предотвратить жестокое обращение, о котором власти знали или должны были знать. Такие меры должны быть направлены,

прежде всего, на наилучшую защиту интересов ребенка и обеспечение уважения человеческого достоинства (§ 55).

Суд в данном деле также сослался на свою предыдущую практику – в частности, на дело **Gutsanovi v. Bulgaria** (*Постановление ЕСПЧ от 15 января 2014 г., жалоба № 34529/10*), признав, что **проведение операций по задержанию в присутствии детей, как особо уязвимых категорий лиц, подвергало их унижающему достоинство обращению в нарушение ст. 3 Конвенции (§ 56 постановления).**

Из материалов данного дела явствует, что возможное присутствие жены (г-жа Гуцанови) и несовершеннолетних детей г-на Гуцанови не было учтено ни на одном этапе планирования и проведения обыска в его квартире. Этот факт не был упомянут во время предоперационного инструктажа, и сотрудники полиции, по-видимому, не обратили внимания на предупреждение охранника о том, что в доме находятся маленькие дети (§ 131 постановления).

В данном деле Суд отметил, что не может пойти так далеко, чтобы априорно требовать от правоохранительных органов не арестовывать лиц, подозреваемых в совершении уголовных преступлений, в их домах в присутствии их детей или супругов. Однако **возможное присутствие членов семьи на месте ареста является обстоятельством, которое необходимо учитывать при планировании и проведении такого рода полицейских операций.** В данном случае это не было сделано, и правоохранительные органы не рассматривали никаких альтернативных способов проведения операции в доме заявителей, таких как проведение операции в более поздний час. Учет законных интересов жены заявителя и ее дочерей был особенно необходим, поскольку первая не была подозреваема в причастности к уголовным преступлениям, в которых подозревался ее муж, а две ее дочери были психологически уязвимы, поскольку им было 5 и 7 лет дети (§ 132 постановления).

Суд отметил, что полицейские операции, которые влекут за собой вмешательство в жилище и арест подозреваемых, неизбежно вызывают

негативные эмоции у лиц, подвергшихся нападению. Однако в данном случае есть конкретные, неоспоримые доказательства того, что госпожа Гуцанови и две ее несовершеннолетние дочери были очень сильно затронуты этими событиями. Г-жа Гуцанови дважды обращалась к психиатру с жалобами на бессонницу и острую тревогу, и ей были назначены транквилизаторы. Две девочки также были обследованы психиатром, который отметил, что при воспоминании об этих событиях они реагировали плачем или проявляли острую тревогу. Годна из них начала заикаться.

Суд также указал, что тот факт, что полицейская операция была проведена ранним утром и в ней участвовали специальные сотрудники в масках, которые были замечены г-жой Гуцанови и ее двумя дочерьми, способствовал усилению чувства страха и тревоги, испытываемых этими тремя заявителями, в той мере, в какой обращение, которому они подверглись, превысило порог строгости, необходимый для применения Статьи 3 Конвенции.

Поэтому Суд постановил, что г-жа Гуцанови и две ее дочери были подвергнуты унижающему достоинство обращению.

В деле «Hristovi v. Bulgaria» (*Постановление ЕСПЧ от 11 октября 2011 г. (стало окончательным 11 января 2012 г.), жалоба № 42697/05*) заявителями по жалобе выступали муж (первый заявитель), жена (второй заявитель) и их ребенок (третий заявитель), которому было 5 лет в момент описываемых событий.

17 февраля 2004 года кто-то позвонил в дверь квартиры заявителей, где они проживали совместно с матерью второго заявителя. Заявители открыли дверь, после чего группа из нескольких полицейских в масках вошла внутрь и арестовала первого заявителя. Впоследствии было установлено, что это были сотрудники Центральной службы по борьбе с организованной преступностью, которые проводили операцию по розыску лиц, подозреваемых в подделке денежных знаков.

Заявители утверждали, что сотрудники полиции в ходе обыска били ногами первого заявителя и угрожали второму и третьему заявителям пистолетом, крича, что они убьют всех. Заявители также жаловались на то, что они пережили ужасающий опыт, когда несколько вооруженных полицейских в масках вошли в их квартиру, направили на них пистолеты и выкрикивали угрозы убийством.

Суд указал, что Статья 3 не может быть ограничена актами физического насилия; она также охватывает причинение психологических страданий. Психологическое испытание, которому подверглись заявители, с учетом присутствия ребенка во время операции по аресту в принципе можно было бы охарактеризовать как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение (§ 80 постановления).

В данном деле прокуроры, расследовавшие этот инцидент, пришли к выводу, что утверждения о запугивании и угрозах убийством не были доказаны. Суд признает, что жалобы заявителей в этой части были, по меньшей мере, спорными (§ 85 постановления). В данном случае власти были обязаны провести расследование этого аспекта жалоб заявителей.

Суд постановил, что не было проведено эффективного уголовного расследования утверждений заявителей о психологическом испытании, которое им пришлось пережить в результате вмешательства полиции. Соответственно, имело место нарушение Статьи 3 Конвенции.

Таким образом, в данных постановлениях нашла оценку такая важная проблема, как жестокое обращение в форме психологического воздействия в отношении ребенка фактом применения насилия к родителям в присутствии ребенка. Суд выработал важный стандарт о том, что власти должны учитывать возможное присутствие детей при планировании спецопераций.

Рассмотрим теперь случаи, когда родители или опекуны сами применяют жестокое обращение к детям.

РАЗДЕЛ III

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ СО СТОРОНЫ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ

В прецедентном решении по делу **A. v. The United Kingdom** (*Постановление ЕСПЧ от 23 сентября 1998 г., жалоба №100/1997/884/1096*) – первом в практике Суда, касающемся телесных наказаний ребенка со стороны родителей, Суд постановил, что было нарушено право девятилетнего заявителя на защиту от бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Власти были признаны ответственными за нарушение, поскольку законодательство допускало **«разумное наказание в виде порки»**.

Суд постановил, что телесные наказания, понесённые заявителем, который в ряде случаев был избит палкой, являются достаточно суровыми, чтобы быть признанными нарушением положений Статьи 3, и что поскольку приёмный отец заявителя, который осуществлял наказание, был оправдан в своих действиях, повлёкших телесные повреждения, на том основании, что они представляли собой **«разумное наказание в виде порки»**, государство не предоставило надлежащую защиту заявителю.

В другом прецедентном деле **Z and others v. The United Kingdom** (*Постановление ЕСПЧ от 10 мая 2001 г., жалоба № [29392/95](#)*) четверо детей подверглись насилию со стороны своих родителей, и, несмотря на их участие в жизни семьи, **социальные службы не смогли вовремя вмешаться, чтобы предотвратить необратимый ущерб**.

В своем докладе Комиссия выразила единодушное мнение о том, что правительство **несет позитивное обязательство защищать детей от жестокого обращения**. Власти были осведомлены о том, что четверо детей подвергались насилию в течение ряда лет со стороны их родителей, и не смогли, несмотря на разумно доступные им средства, предпринять какие-либо эффективные шаги для того, чтобы положить этому конец (§ 70 постановления).

Суд вновь заявил, что он требует от государств принятия мер, направленных на обеспечение того, чтобы лица, находящиеся под их

юрисдикцией, не подвергались пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, включая такое жестокое обращение со стороны частных лиц (§ 73). Эти меры должны **обеспечивать эффективную защиту, в частности детей и других уязвимых лиц, и включать разумные меры по предотвращению жестокого обращения, о котором власти знали или должны были знать.**

Установив, что телесные повреждения были достаточно серьезны, Суд далее отметил, что **местные органы власти были осведомлены об этом обращении и имели как законную обязанность, так и целый ряд полномочий, имеющихся в их распоряжении для защиты детей.**

Так, жестокое обращение было доведено до сведения местных властей еще в октябре 1987 года. Власти предприняли неотложную помощь только по настоянию матери 30 апреля 1992 года. В течение последующих четырех с половиной лет дети подвергались в своем доме тому, что детский психиатр-консультант, обследовавший их, назвал «ужасными переживаниями» (§ 40).

Суд признает трудные и деликатные решения, стоящие перед социальными службами, и важный уравнивающий принцип уважения и сохранения семейной жизни. Однако настоящее дело не оставляет никаких сомнений в неспособности системы защитить этих детей-заявителей от серьезного, длительного отсутствия заботы и жестокого обращения (§ 74).

Данное постановление ценно тем, что в нем Суд представил детско-ориентированный анализ того, где должен находиться баланс между уважением целостности семьи и защитой детей от жестокого обращения.

В 2018 году Суд при рассмотрении дела **Wetjen and others v. Germany** (*Постановление ЕСПЧ от 22 марта 2018 г., жалобы №№. 68125/14 и 72204/14*) пришёл к выводу, что государство не нарушило право родителей-заявителей на уважение частной и семейной жизни, частично лишив их родительских прав и передав детей под опеку, чтобы уберечь их от регулярных побоев палкой.

В основе жалобы заявителей лежал вопрос о том, является ли родительская практика избиения палками достаточно веским основанием для лишения части родительских полномочий и принятия детей на попечение. Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявители утверждали, что изъятие части их родительских полномочий и последующее разделение родителей и их детей было несоразмерным. Заявители утверждали, что решения национального суда не имели законной цели и что лишение их родительской власти было основано не на соображениях, касающихся телесных наказаний, а на том факте, что заявители были членами церкви Двенадцати племен и воспитывали детей в соответствии со своей верой.

Суд отмечает, что даже несмотря на то, что в решениях национальных судов обсуждалось членство заявителей в церкви и их религиозные взгляды, они основывали свои решения на возможности того, что **дети рисковали быть избитыми палками.**

Таким образом, суд приходит к выводу, что решения, на которые жаловался заявитель, были направлены на защиту «здоровья или нравственности» и «прав и свобод» детей. Соответственно, они преследовали законные цели.

Суд отметил, что даже если жестокое обращение в нарушение Статьи 3 обычно сопряжено с фактическими телесными повреждениями или интенсивными физическими или психическими страданиями, в отсутствие этих аспектов обращение все еще может быть охарактеризовано как унижающее достоинство, если оно унижает личность, проявляя неуважение или умаляя ее человеческое достоинство, или вызывает чувство страха или неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление личности. В этом контексте Комитет по правам ребенка ООН определил телесное наказание как *любое наказание, при котором применяется физическая сила и которое направлено на причинение определенной степени боли или дискомфорта, каким бы легким оно ни было, и*

подчеркнул, что все формы насилия в отношении детей, какими бы легкими они ни были, неприемлемы (§73 постановления).

В данном деле Суд признал, что был достигнут справедливый баланс между интересами родителей и детей, поскольку право родителей на донесение и распространение своих религиозных убеждений о воспитании детей не должно подвергать детей опасности, а также физическому и психологическому насилию.

Таким образом, хотя трудно точно определить характер позитивного обязательства, которое Статья 3 налагает на государства в области защиты детей, тем не менее Суд установил важный ориентир, согласно которому **службы защиты детей должны активно выявлять и реагировать на признаки того, что дети страдают от физического и психологического вреда, который со временем может вызвать долгосрочные и даже постоянные проблемы.**

Соблюдение права ребенка на защиту от вреда, предусмотренного Статьей 3, требует своевременного вмешательства в семейные отношения, а также принятия эффективных и практических мер в тех случаях, когда ситуация в семье не показывает значительного и своевременного улучшения.

Рассмотрим теперь обязательства государства перед детьми, которые остались без сопровождения родителей.

РАЗДЕЛ IV

**ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ
БЕЗ СОПРОВОЖДЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ**

В деле Khan v. France (*Постановление ЕСПЧ от 28 февраля 2019 г. (стало окончательным 28 марта 2019 г.), жалоба №[12267/16](#)*) речь касалась ненадлежащего исполнения обязательств по защите несовершеннолетних лиц иностранного государства без сопровождения, живущих в унижающих достоинство условиях.

Заявитель, несовершеннолетний гражданин иностранного государства афганского происхождения, в течение шести месяцев проживал в самодельной хижине в южной части Кале в антисанитарных условиях. Заявитель не описал подробно материальные условия своей жизни на этом участке. Он просто заявил, что, поскольку он не находится под опекой властей, он живет в «хижине» и что после сноса этой хижины во время операций по расчистке он переехал в «импровизированное убежище» в северной зоне. Он также заявил, что получил поддержку от неправительственных организаций (§ 78 постановления).

Спустя какое-то время местная правозащитная неправительственная организация обратилась в суд Франции от имени заявителя с просьбой предоставить ему временное размещение и назначить законного представителя, а также обеспечить возможность воссоединения с семьей, проживающей в Великобритании. Суд вынес решение об удовлетворении жалобы, однако ни департамент Па-де-Кале, ни префектура не предприняли никаких действий для защиты интересов заявителя, несмотря на решение французского суда. В итоге после сноса его хижины во время строительных работ в марте 2016 года он самостоятельно без какой-либо поддержки со стороны властей Франции отправился в Великобританию.

Суд отметил в первую очередь в данном деле молодой возраст заявителя: ему было 11 лет, когда он прибыл во Францию в сентябре 2015 года. Ему было 12 лет, когда была очищена южная зона пустоши Кале (в феврале 2016 года) и

когда он покинул Францию (20 марта 2016 года). Суд указал в этой связи, что несопровождаемые несовершеннолетние иностранцы, будучи предоставленными самим себе, также подвергаются различным опасностям, таким как риск физического насилия, включая сексуальное насилие (§ 84 постановления).

По мнению Суда, несмотря на то, что до расчистки южной зоны уже существовали серьезные проблемы, **неспособность обеспечить заявителю надлежащую заботу была еще более серьезной после операции по сносу хижины, в которой он жил, и общего ухудшения условий жизни на месте, вызванного этой операцией** (§ 86 постановления).

Тот факт, что необходимо было дождаться решения судьи по делам молодежи о помещении заявителя в тюрьму до того, как его дело могло быть фактически рассмотрено компетентными органами, сам по себе ставит вопрос о соблюдении государством-ответчиком в отношении заявителя его обязательства защищать несопровождаемых несовершеннолетних иностранцев и заботиться о них в соответствии со Статьей 3 Конвенции. До этого момента компетентные органы даже не идентифицировали заявителя для этой цели, хотя он находился на пустоши уже несколько месяцев и его молодой возраст должен был особенно привлечь их внимание (§ 88 постановления).

Таким образом, характер условий, в которых был вынужден жить ребенок более шести месяцев, вкупе с ненадлежащим исполнением распоряжений суда, позволил Страсбургскому суду усмотреть нарушение обязательств по защите несовершеннолетних иностранцев без сопровождения, живущих в условиях, унижающих человеческое достоинство, по смыслу статьи 3 Конвенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика ЕСПЧ в сфере защиты правах ребенка часто недооценивается или игнорируется. Тем не менее, как было подчеркнуто в настоящем обзоре, Суд рассмотрел множество важных дел, касающихся жестокого обращения в отношении детей, развив существующие стандарты в области прав детей и сформулировав совершенно уникальный набор правовых требований к властям.

В последнее время ЕСПЧ не только нарастил судебную практику в этой области, но и проложил новый путь для защиты прав детей посредством конкретных рекомендаций. Так, в некоторых случаях Суд определил, что государства должны были сделать для обеспечения эффективного соблюдения прав детей. Хотя подходы Суда время от времени колеблются, прецедентное право в значительной степени является последовательным.

Трудно предвидеть, где в следующий раз может быть реализован объем позитивных обязательств государства в вопросе прав детей. Каждое дело действительно зависит от совокупности обстоятельств, которые приводят каждого ребенка-заявителя в Страсбург.

Представляется, что развитие более широкого круга договоренностей в отношении мер, необходимых для защиты детей от насилия, должно способствовать разработке более обременительных позитивных обязательств государств по Статье 3, и в этом контексте в Суде вполне может вновь возникнуть вопрос, например, об отмене физического наказания в школах или о плохо спланированной спецоперации, произведенной на глазах у детей в отношении их родителей.

В целом, как показывает прецедентное право, ЕСПЧ оказался не только способен разработать новые стандарты защиты прав ребенка, но и готов в равной степени опираться на те из них, которые существуют в настоящее время в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и сопутствующими документами.

Очевидно, что ребёнок вследствие своего неполного физического и умственного развития должен быть обеспечен особыми правами и средствами для их реализации. Тем не менее, остаются трудности, с которыми сталкиваются дети при защите от жестокого обращения. Так, для ребёнка до 18 лет подача жалобы или сообщения в международные инстанции представляются очень затруднительным, а иногда и вовсе недоступным механизмом в силу возраста.

В этой связи государству необходимо активнее проводить правовое просвещение детей и их родителей через школы, СМИ, социальные сообщества. Дети должны знать, что делать и к кому обратиться в случае нарушения их прав. Целесообразно создавать в органах опеки и попечительства специальные подразделения, в которых компетентные сотрудники смогли бы оказать помощь в обращении в Европейский суд по правам человека или Комитет по правам ребёнка. Естественно, что для этого государство должно оказывать финансовую поддержку таким органам, их подразделениям, а также иным правозащитным организациям

Государства и всё международное сообщество должны понимать, что дети – это основной ресурс, который способен улучшить будущее не только одной страны, но и всего мира. В этой связи власти должны неукоснительно следовать выработанным стандартам ЕСПЧ по вопросу соблюдения как негативных, так и позитивных обязательств властей при защите детей от жестокого обращения.